

УДК 316.4.066

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-700-711

Пандемическая реальность: актуальные проблемы и перспективы

Реутов Е.В., Вангородская С.А., Гайдукова Г.Н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: reutov@bsu.edu.ru

Аннотация. Рассмотрены проблемы адаптации жителей Белгородской области к пандемической реальности. Обосновано выделение в качестве основных векторов актуальных и потенциальных трансформаций регионального социума в результате комплексного влияния последствий пандемии COVID-19. На основе результатов авторского социологического исследования показано, что влияние пандемии на образ жизни населения довольно значителен, хотя большая часть изменений коснулась преимущественно индивидуальных гигиенических практик. Отмечается явная тенденция к ограничению социальных контактов и социальной жизни – тренд, развитие которого будет зависеть от дальнейшей политики государства. Эмпирически подтверждено несомненное и комплексное влияние пандемии на жизненную ситуацию в большинстве домохозяйств региона. Данное влияние, хотя и проявляется в ряде позитивных эффектов (к числу которых относится, например, рост внимания к собственному здоровью), имеет преимущественно негативное измерение. И если на внутрисемейных коммуникациях оно отражается незначительно, то в гораздо большей степени проявляется в ухудшении качества образования (реализуемого в дистанционном формате) и связанной с этим физической и психологической нагрузкой на членов домохозяйств и, главное, в уменьшении доступности и качества медицинского обслуживания и росте рисков бедности.

Ключевые слова: COVID-19, трансформация регионального социума, самосохранительное поведение, социально-экономические последствия, позитивные и негативные следствия пандемии

Благодарности: исследование выполнено в рамках государственного задания НИУ «БелГУ», проект № FZWG-2020-0027 «Социально-демографические детерминанты развития сельских территорий Центрально-Чернозёмного экономического района».

Для цитирования: Реутов Е.В., Вангородская С.А., Гайдукова Г.Н. 2022. Пандемическая реальность: актуальные проблемы и перспективы. НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право, 47(4): 700–711. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-700-711

Pandemic Reality: Current Problems and Prospects

Yevgeny V. Reutov, Svetlana A. Vangorodskaya, Galina N. Gaidukova

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation
E-mail: reutov@bsu.edu.ru

Abstract. The problems of adaptation of residents of the Belgorod region to the pandemic reality are considered. The author substantiates the identification of actual and potential transformations of regional society as the main vectors as a result of the complex impact of the consequences of the COVID-19 pandemic. Based on the results of the author's sociological research, it is shown that the impact of the pandemic on the lifestyle of the population turned out to be quite significant, although most of the changes mainly affected individual hygiene practices. There is a clear tendency to limit social contacts and social life – a trend whose development will depend on the further policy of the state. Here, therefore,

a "fork" is fixed, from which society can go either in the direction of increasing atomization, or on the way to overcome it. The latter is possible if the state and public institutions choose methods and technologies of social consolidation that are adequate to the situation. The undeniable and complex impact of the pandemic on the life situation in most households in the region has been empirically confirmed. This influence, although manifested in a number of positive effects (which include, for example, increased attention to one's own health), has a predominantly negative dimension. And if it affects intra-family communications only slightly, it is much more manifested in the deterioration of the quality of education (implemented in a distance format) and the associated physical and psychological burden on household members, and, most importantly, in the reduction of accessibility and quality of medical care and the increase in poverty risks.

Keywords: COVID-19, transformation of regional society, self-preservation behavior, socio-economic consequences, positive and negative consequences of the pandemic

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the state task of the National Research University "BelSU", project No. FZWG-2020-0027 "Socio-demographic determinants of the development of rural territories of the Central Chernozem Economic Region".

For citation: Reutov E.V., Vangorodskaya S.A., Gaidukova G.N. 2022. Pandemic Reality: Current Problems and Prospects. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(4): 700–711 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-700-711

Введение

В начале пандемии COVID-19, пришедшейся в России на начало 2020 года, несмотря на достаточно быстрый переход от беспечности к панике, вряд ли кто-то мог предположить, что она поколеблет ментальные основы российского общества, заключающиеся в отгораживании от всяких тревожащих факторов и информации, в культивировании концепта стабильности и нежелании менять привычный образ жизни. Вероятно, и пандемия в сочетании с так называемым коронакризисом не сильно поколебала бы данное состояние, если бы не последующие события – уже не политико-медицинского, а военно-политического характера.

Тем не менее нельзя сказать, что российское общество быстро адаптировалось к пандемийной реальности. При всем желании сложно было отгородиться от крайне высокой контагиозности заболевания в периоды так называемых волн и неспособности большинства региональных систем здравоохранения абсорбировать резко выросшую нагрузку, от высокой летальности, вылившейся в конечном счете в большой объем избыточной смертности в 2020–2021 гг., которая составила по разным оценкам от 800 тыс. до 1 млн человек. Если же следовать официальным данным Росстата, то в качестве причины смерти COVID-19 фигурирует в 2020 году в 144 691 случаях, а в 2021 году – в 465 525 случаях¹.

Можно утверждать определенно, что пандемия COVID-19 стала показателем «глобальной экзистенциальной угрозы» [Strong, 1990], вышла далеко за пределы медицинского дискурса и приобрела характер триггера комплекса социальных, экономических, политических и социокультурных изменений, которые далеко не завершены.

Проблема существенных изменений в условиях пандемийной реальности экономической, политической и социокультурной картины мира отражена в ряде отечественных публикаций, посвященных анализу влияния коронавирусной инфекции на трансформацию моделей социального поведения населения. Это работы А.Г. Асмолова, Г.У. Солдатовой,

---

¹ Естественное движение населения Российской Федерации за 2020 год (Статистический бюллетень). 2021. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_106/Main.htm (дата обращения: 15.10.2022); Естественное движение населения Российской Федерации за 2021 год (Статистический бюллетень). 2022. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_106/Main.htm (дата обращения: 15.10.2022).

Т.В. Малевой [Асмолова и др., 2020], А.А. Брега [2022], Н.Х. Гафиатулиной, В.В. Касьянова, С.И. Самыгина [Гафиатулина и др., 2020], Н.В. Голубевой, Д.В. Иванова, М.С. Троицкого [Голубева и др., 2020], Е.С. Захаровой [Zakharova, 2021], Р.Н. Лункина [2020], О.А. Парфеновой, И.С. Петуховой [2022], Д.Ю. Сидякова, Т.В. Яровой [2020], Е.В. Федосенко [2020] и другие.

Целью данной статьи является выявление основных последствий пандемии для регионального социума, определение векторов потенциальных социальных трансформаций в результате комплексного влияния пандемийной реальности.

Объекты и методы исследования

В качестве объекта исследования выступает пандемия Covid-19 как детерминанта изменений в региональном социуме. Эмпирической основой исследования стали результаты анкетного опроса, проведенного с участием авторов в апреле-мае 2022 года. Объем выборочной совокупности – 1010 респондентов. Выборка квотная, репрезентирующая население Белгородской области по половозрастному и поселенческому параметрам. Обработка эмпирических данных осуществлялась с использованием пакета программ SPSS.

Результаты исследования и обсуждение

Исследование опирается на концепцию биосферы как аутопоэтической системы, в соответствии с которой пандемия Covid-19 может рассматриваться как «биосферный иммунный ответ на разрушительную планетарную деятельность человечества» [Казанский, 2003, с. 4]. В качестве основных аспектов актуальных и потенциальных трансформаций мы выделили медицинский, социально-экономический, социально-коммуникационный и демографический.

Уровень реальной распространенности коронавируса в соответствии с самооценкой респондентов оценивается достаточно высоко. Официально (с наличием медицинского заключения) им переболели 20,20 % опрошенных, и еще 25,94 % перенесли заболевание коронавирусом по самоощущениям. Естественно, можно предположить, что во второй доле – большое количество переболевших гриппом и ОРВИ, но в силу повышенной тревожности приписавших себе ковид. Тем не менее эти люди реально болели и могут вполне испытать (или уже испытывают) долгосрочные проблемы с восстановлением. При этом нужно учесть и довольно значительную долю (8,12 %) затруднившихся с ответом. Лишь менее половины (45,74 %) респондентов отрицают у себя историю заболевания коронавирусом, хотя и в этом случае заболевание не исключается ввиду вероятности перенесения его в латентной форме. В любом случае эти данные свидетельствуют о значительном росте нагрузки на учреждения здравоохранения региона и потребности в серьезном увеличении соответствующих ресурсов (причем не только финансовых, но и кадровых, материальной базы, методических и пр.). Еще в большей мере о распространенности коронавируса говорят данные о ситуации в ближнем и дальнем окружении респондентов. Доля тех, кто не имеет информации о переболевших родственниках, знакомых, составляет немногим более десятой части выборочной совокупности. Так с уверенностью утверждают об отсутствии заболевших среди своих родственников и знакомых лишь 7,55 % респондентов. Еще 4,61 % не знают о таких случаях, хотя и не могут сказать с уверенностью об отсутствии заболевших. И 3,44 % респондентов в принципе затрудняются с ответом на вопрос, по всей видимости, вследствие слабости социальных контактов. И, напротив, около половины (49,50 %) респондентов отмечают случаи коронавируса среди ближайшего окружения (родственники, близкие друзья), и более трети (34,90 %) – в своем дальнем окружении (среди знакомых, соседей, коллег по работе и пр.). Таким образом, можно сказать, что коронавирус в той или иной форме (включая личный опыт заболевания) затронул абсолютное большинство россиян.

Несомненно, что пандемия существенным образом повысила уровень общественной тревожности, характеризующейся «психосоциальной травматизацией личности, дезадаптацией и дезорганизацией общественного сознания, деструкцией нормативности, наступлением панических настроений, появлением новых тревожных смыслов» [Касьянов, 2020, с. 57]. Изменение эмоционального состояния населения стало закономерным следствием перманентно возникающих страхов (в первую очередь за здоровье свое и своих близких), стресса, агрессии, беспомощности (от осознания разрушения привычной картины мира) [Островский, 2020]. Возможно также, что тревожность сделала общество более восприимчивым и податливым в отношении различных фобий. Также нужно учитывать характер российского общества, в котором страхи и тревоги зачастую не вербализуются, а выражаются в спонтанных изменениях социального поведения – в виде панических состояний, ажиотажного спроса на различные товары или же – в росте уровня поддержки власти. Последнее может рассматриваться как одно из следствий «формирования коллективного сознания нового типа, построенного на восприятии внешней среды как непредсказуемой и опасной, а возможностей отдельного взятого индивида в преодолении этих опасностей – как ограниченных. Это приводит к усилению в общественном сознании образа государства как гаранта и механизма обеспечения устойчивости» [Вангородская, 2021, с. 250].

Основным фактором роста тревожности в период пандемии у россиян послужил, безусловно, страх за здоровье – свое и своих близких – о его наличии заявили 81,98 % опрошенных. Далее со значительным отрывом следовали тревоги из-за ограничений, нарушающих привычный образ жизни (43,37 %), из-за неопределенности будущего – своего и своих близких (36,14 %), в связи с трудностями получения медицинской помощи (26,44 %), из-за обострения хронических заболеваний (24,95 %), из-за непоследовательных и нелогичных действий властей (20,69 %), сокращения контактов с близкими и друзьями (15,94 %), перегруженности работой (учебой) (15,54 %), невозможности реализации жизненных планов (15,05 %), угрозы потери работы или перевода ее в дистанционный формат (10,79 %) (рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Что из перечисленного тревожило Вас больше всего в период пандемии? (укажите не более 5 вариантов ответа)», %

Fig. 1. Distribution of answers to the question: « Which of the above worried you the most during the pandemic? (specify no more than 5 possible answers)», %

Одним из следствий тревоги из-за неопределённости будущего стало нежелание россиян строить долгосрочные планы и стремление жить «одним днем». Именно эти тенденции фиксируются в ряде социологических опросов периода пандемии. В качестве примера можно привести результаты исследования, проведенного Фондом «Общественное мнение» в октябре 2020 года и показавшего увеличение, хотя и незначительное, по сравнению с мартом 2017 года, доли россиян, живущих сегодняшним днем (с 60 до 65 %). Несмотря на то, что доля россиян, вообще не планирующих свое будущее, начиная с 2003 года, демонстрирует тенденцию к уменьшению (с 44 % в августе 2003 года до 20 % в октябре 2020 года), все большее число опрошенных предпочитает строить планы только на ближайшую перспективу (2003 год – 35 %, 2020 – 47 %). Большинство россиян объясняют свое нежелание строить планы на будущее неблагоприятной обстановкой в стране (доля приверженцев этой точки зрения только за 2020 год возросла на 10 % – с 58 до 68 %), связывая ее с отсутствием стабильности и уверенности в завтрашнем дне (19 %), эпидемией коронавируса (18 %), ростом безработицы и страхом потери работы (11 %), низкими зарплатами и пенсиями (11 %) ¹.

Что касается страха потери работы, который в период пандемии стал одним из основных для значительного числа россиян, то, согласно выводам В.В. Касьянова и коллег, «перспектива остаться без средств к существованию и без места работы пугает россиян намного сильнее, чем коронавирус, поскольку шансов умереть от него пока намного меньше, чем от голода» [Касьянов, 2020, с. 60]. Исходя из этого, вполне закономерным выглядит заключение экспертов Центра политической конъюнктуры (ЦПК), сделанное на основе анализа ситуации в российских регионах, о том, что «экономическая повестка будет и дальше вытеснять эпидемиологическую» ².

Пандемия коронавируса не оказала существенного влияния на самосохранительное поведение россиян в части получения квалифицированной медицинской помощи. Большая часть населения декларирует необходимость обращения к врачу лишь в случае продолжительного недомогания (44,53 %) или даже критической ситуации (18,01 %). Лишь 36,83 % респондентов утверждают, что обратятся к врачу при первых симптомах заболевания, идентифицируемого как ОРВИ, грипп или коронавирус.

При этом с достаточным основанием можно утверждать, что пандемия повлияла на самосохранительное и гигиеническое поведение жителей региона в более широком плане. Так, 67,62 % опрошенных утверждают, что стали чаще мыть руки, а 65,35 % – стали носить защитную медицинскую маску. В меньшей мере, но также достаточно заметно изменились иные социальные и индивидуальные практики.

Так, 32,38 % респондентов стали чаще оставаться дома, 28,61 % – избегать скопления людей и общественных мест, 21,78 % – реже использовать наличные деньги при оплате товаров и услуг, 21,49 % – принимать витамины и иммуностимуляторы, 20,50 % – реже путешествовать, 18,32 % – избегать общественного транспорта, 16,93 % – реже контактировать с людьми, 16,44 % – делать покупки онлайн, 15,64 % – реже ходить в магазины, 12,48 % – изменили свое питание в сторону более здорового, 12,08 % – стали больше заниматься физкультурой, 8,91 % – стали работать удаленно. Ничего из перечисленного не коснулось лишь 11,19 % опрошенных (табл. 1).

Таким образом, влияние пандемии на образ жизни оказалось довольно значительным, хотя большая часть изменений коснулась все же индивидуальных гигиенических практик. Вместе с тем следует отметить явную тенденцию к ограничению социальных контактов и социальной жизни – тенденцию, развитие которой будет зависеть от дальнейшей политики государства.

¹ Планы на будущее. 2020. 30 октября // Фонд Общественное мнение. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14483> (дата обращения: 12.11.2020).

² Будущее после «короны». Рейтинги российских регионов по уровню пессимизма. 2020. 22 июня // ООО «Центр политической конъюнктуры». URL: https://cpkr.ru/media/kommentarii-ekspertov-tspk/budushchee-posle-koronv/?sphrase_id=856 (дата обращения: 13.08.2022)

Таблица 1
Table 1

Распределение ответов на вопрос: «Как пандемия повлияла на Ваш образ жизни? (Укажите все подходящие варианты)», абс., %
Distribution of answers to the question: «How has the pandemic affected your lifestyle? (Specify all suitable options)», abs., %

Варианты ответов	Количество выборов ответа	Доля опрошенных, %
Мою чаще руки	683	67,62
Ношу защитную маску	660	65,35
Остаюсь чаще дома	327	32,38
Избегаю общественных мест	289	28,61
Реже использую наличные	220	21,78
Принимаю витамины, иммуностимуляторы	217	21,49
Реже путешествую	207	20,50
Избегаю общественного транспорта	185	18,32
Стараюсь реже контактировать с родственниками, друзьями, знакомыми	171	16,93
Делаю покупки онлайн	166	16,44
Реже хожу в магазины	158	15,64
Изменил питание в сторону более здорового	126	12,48
Стал больше заниматься физкультурой	122	12,08
Ничего из перечисленного	113	11,19
Работаю удаленно	90	8,91
Другое	4	0,40
Всего	1010	100,00

Здесь, таким образом, мы имеем «развилку», от которой общество может пойти либо в направлении усиления атомизации, либо по пути ее преодоления, если государство и общественные институты выберут адекватные ситуации методы и технологии социальной консолидации.

Реальные социально-экономические последствия пандемии, судя по полученным данным, являются достаточно ощутимыми. Так, у 30,30 % опрошенных есть родственники, друзья или знакомые, которые потеряли работу или лишились основного источника дохода в связи с эпидемией коронавируса, и у 53,17 % респондентов нет никого с подобными проблемами в их окружении (оставшиеся 16,53 % затруднились с ответом на этот вопрос).

Данные опроса отчетливо указывают на заметное ухудшение материального благосостояния жителей региона. Лишь у 9,71% опрошенных за время пандемии личные доходы или доходы семьи выросли (из них выросли заметно – у 3,47 %). Не изменились доходы у 38,02 % опрошенных. Но доминирующим трендом стало все же снижение доходов: у 22,57 % респондентов они немного снизились, а у 18,81 % – снизились значительно.

В целом иерархия проблем, ставших актуальными для домохозяйств региона в период пандемии, выглядит следующим образом (табл. 2):

Таблица 2
Table 2

Распределение ответов на вопрос: «Какие проблемы стали наиболее актуальными для Вашей семьи (семей Ваших близких) в период пандемии? (укажите не более 5 вариантов ответа)», абс., %
 Distribution of answers to the question: «What problems have become most urgent for your family (the families of your loved ones) during the pandemic? (specify no more than 5 possible answers)», abs., %

Варианты ответов	Количество выборов ответа	Доля опрошенных, %
Финансовые проблемы (сокращение дохода, увеличение текущих расходов и пр.)	469	46,44
Затруднение доступа к медицинскому обслуживанию	344	34,06
Закрытие детских садов, перевод школьников на дистанционный режим обучения	302	29,90
Сложности совмещения профессиональных и семейных ролей в условиях дистанционной занятости	296	29,31
Обострение хронических заболеваний	242	23,96
Увеличение бремени домашнего труда	186	18,42
Бытовые проблемы (распределение домашних обязанностей и пр.)	143	14,16
Проблемы во взаимоотношениях с близкими	142	14,06
Обострение семейных конфликтов, семейно-бытового насилия	64	6,34
Увеличение масштабов потребления алкоголя	36	3,56
Другое (укажите)	34	3,37
Всего	1010	100,00

Таким образом, следует признать несомненное и комплексное влияние пандемии на жизненную ситуацию в большинстве домохозяйств региона (и российского общества в целом). Данное влияние, хотя и проявляется в ряде позитивных эффектов (как рост внимания к собственному здоровью, о чем было сказано выше), имеет преимущественно негативное измерение. И если в меньшей мере оно сказывается на внутрисемейных коммуникациях (хотя этот эффект труднее отследить ввиду нежелания многих «выносить сор из избы»), то гораздо в большей мере негативное влияние прослеживается в ухудшении качества образования, реализуемого в дистанционном формате, и связанным с этим фактором (а также с дистанционной занятостью) ростом физической и психологической нагрузки на членов домохозяйств и, главное, в уменьшении доступности и качества медицинского обслуживания и росте рисков бедности.

Таким образом, потенциал пандемии (и объективно, и в оценках жителей Белгородской области) реализовался прежде всего в ухудшении социальной ситуации и соответствующим образом отразился на жизненных мирах отдельных людей и домохозяйств.

Негативные ожидания по поводу последствий пандемии выглядят более отчетливо и отмечаются в совокупности гораздо большим количеством респондентов. Здесь нужно отметить, что респондентам предлагались варианты ответа, связанные лишь с демографическим характером предполагаемых изменений. К наиболее существенным негативным последствиям пандемии жители области относят:

- рост смертности вследствие заражения коронавирусом (отметили 57,82 % опрошенных);

- рост смертности от других (в том числе хронических) заболеваний как следствие перегруженности системы здравоохранения и отложенной медицинской помощи (50,79 %).

В меньшей мере, но также в качестве значимых последствий отмечаются:

- снижение рождаемости из-за отложенной в период пандемии беременности (32,97 %);

- рост числа разводов как следствие длительного пребывания супругов вместе в ограниченном пространстве (27,72 %);

- рост заболеваемости и смертности, вызванный увеличением употребления алкоголя, малоподвижным образом жизни, бытовыми ограничениями (21,19 %);

- сокращение брачности из-за ограничения возможностей для знакомств, регистрации браков, массовых торжеств (18,61 %).

Такое последствие, которое является условно негативным, как сокращение числа абортов из-за отложенной медицинской помощи, отмечают 8,12 % опрошенных. Затруднились определить негативный демографический потенциал пандемии 17,52 % опрошенных – существенно меньше, нежели в предыдущем случае. То есть негативные демографические (и иные) последствия пандемии кажутся жителям региона гораздо более очевидными, нежели позитивные.

Исходя из гипотезы о том, что демографические последствия пандемии могут оказаться наиболее существенными в общем объеме ее деструктивного потенциала, респондентам был задан вопрос о влиянии пандемии на исходные репродуктивные планы. Ответы респондентов подтвердили, что в ситуации серьезных потрясений и общественных трансформаций отказ или откладывание деторождения является закономерной стандартной практикой, что и наблюдалось в течение последних тридцати лет в России. В данном конкретном случае оказалось, что россияне могут корректировать первоначальные планы в сторону уменьшения практически (или даже более чем) в два раза. Так, отвечая на вопрос «Оказала ли пандемия коронавируса влияние на Ваши репродуктивные планы?» 8,32 % опрошенных заявили, что будут рожать детей вне зависимости от ситуации, но 7,03 % – о том, что они решили отложить появление ребенка, а 4,55 % – вообще отказаться от рождения еще одного ребенка.

В принципе, можно утверждать, что опыт пандемии, наряду с различными издержками в виде утраты части доверия государственным и общественным институтам, имеет и позитивное измерение – в виде готовности значительной части граждан мириться с легитимными в их глазах ограничениями. При этом данную готовность, безусловно, не следует преувеличивать, но в отдельных аспектах дисциплинирующее воздействие опыта пандемии очевидно (рис. 2).

Вместе с тем из данной иерархии следует, что граждане прежде всего готовы согласиться с наиболее очевидными и наименее затратными для них ограничениями и мерами, не требующими отказа от привычного образа жизни. Также нужно отметить, что, например, такая мера, как вакцинация (несмотря на достаточно высокий реальный уровень) не рассматривается большинством граждан с точки зрения субъективно обязательной и социально обоснованной.

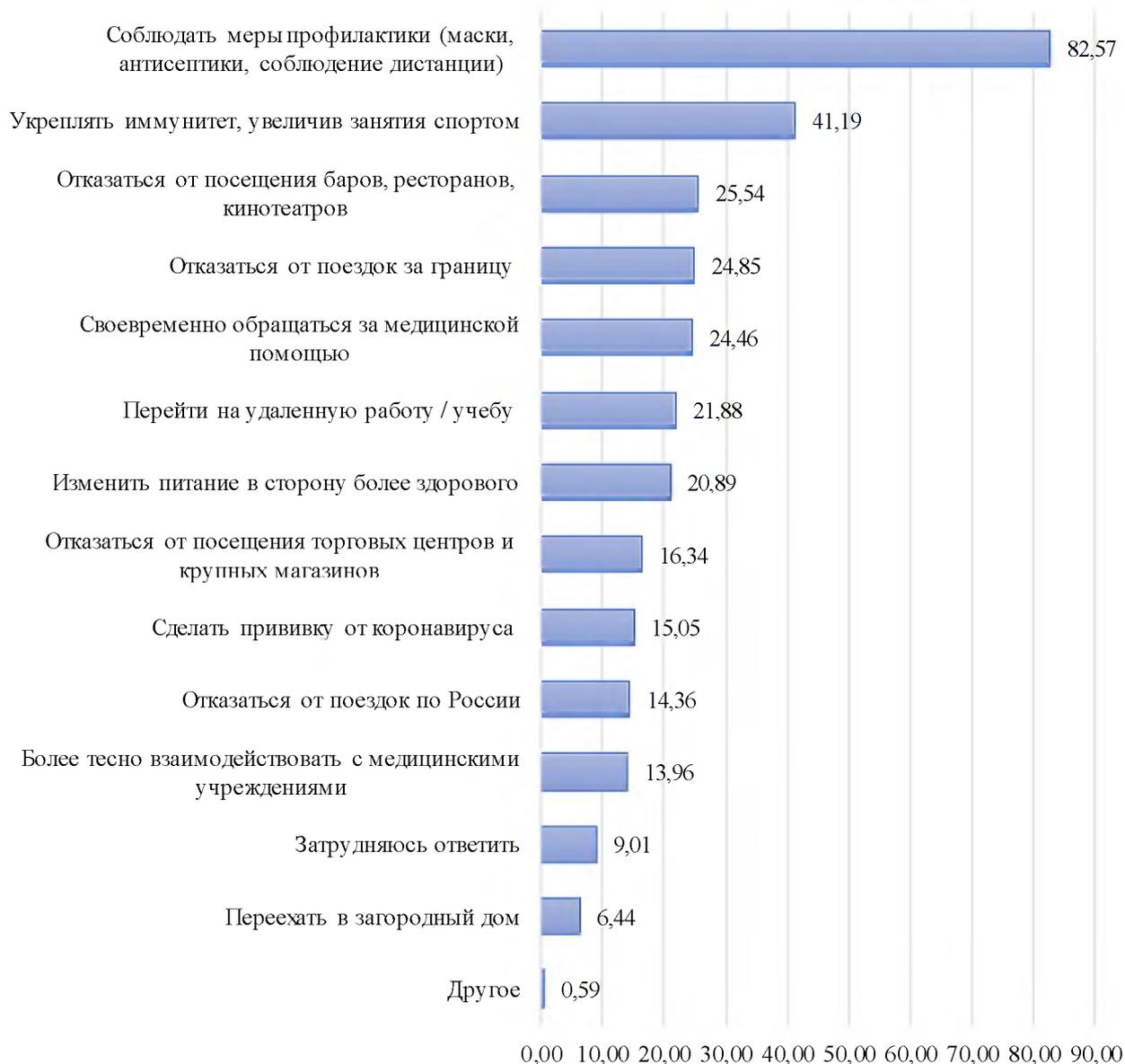

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «В случае начала очередной новой волны эпидемии что из перечисленного Вы готовы будете ответственно соблюдать или делать, если возникнет угроза введения новых ограничений? (укажите не более 5 вариантов ответа)», %

Fig. 2. Distribution of answers to the question: « In the event of the beginning of another new wave of the epidemic, which of the above will you be ready to responsibly comply with or do if there is a threat of new restrictions? (specify no more than 5 possible answers)», %

Заключение

Таким образом, пандемию COVID-19 можно рассматривать как триггер, запустивший новый этап осмысления взаимоотношений между индивидом и обществом, индивидом и государством, государством и обществом. Масштабы распространения коронавирусной инфекции внесли существенные коррективы не только в экономическое, социальное и культурно-историческое устройство современного мира. Экстремальная эпидемиологическая ситуация, спровоцированная вспышкой COVID-19, отразилась в первую очередь на показателях социального самочувствия россиян, ухудшив эмоциональное состояние насе-

ления и увеличив градус стрессогенности окружающей среды. Именно повышение ситуативной тревожности, сопряженной с активностью и страхом утратить контроль над ситуацией, можно считать одной из главных детерминант проявления «самосохранительной сознательности», отличающей россиян во время пандемии.

Следует отметить, что опыт пандемии для российского общества оказался амбивалентным. С одной стороны, россияне получили определенные навыки комплексной общественной мобилизации в связи с масштабной угрозой; сформировались и усилились многие общественные институты – волонтерские, благотворительные и пр., укрепились семейные связи. Но, с другой стороны, оказался скомпрометированным ряд общественных институтов, в том числе общественная система здравоохранения, при этом выросла зависимость населения от государства; существенно дестабилизировалось общественное сознание, повысился уровень тревожности; и, главное, резкий рост смертности в сочетании с негативной корректировкой репродуктивного поведения критически снизили шансы на благоприятную траекторию демографического развития страны.

Список литературы

- Брега А.А. 2022. Субъективное ощущение одиночества у юношей и девушек в период вынужденной самоизоляции, связанной с пандемией COVID-19: кросс-культурное исследование. Психология человека в образовании, 4-1: 101–111. DOI 10.33910/2686-9527-2022-4-1-101-111
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. 2020. Рынок и собственность: социально-экономические уроки пандемии. Социологические исследования. 8: 145–157. DOI 10.31857/S013216250009711-5
- Вангородская С.А. 2021. Трансформация самосохранительного поведения населения в обществе риска : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.04. Белгород, 431 с.
- Голубева Н.В., Иванов Д.В., Троицкий М.С. 2020. Панические расстройства во внутрисемейных отношениях как последствия воздействия коронавирусной инфекции (обзор литературы). Вестник новых медицинских технологий. 2: 32–38. DOI 10.24411/2075-4094-2020-16629
- Казанский А.Б. 2003. Биосфера как аутопоэтическая система: биосферный бутстрап, биосферный иммунитет и человеческое общество. Экогеософский альманах. 3: 2–43.
- Касьянов В.В., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. 2020. Особенности и проблемы социального поведения в условиях режима самоизоляции российского населения. Гуманитарий Юга России. 9(42)-2: 51–63. DOI 10.18522/2227-8656.2020.2.3
- Асмолов А.Г., Солдатова Г.У., Малева Т.М., Сорокина С.С., Алдошина Т.Л. 2020. Кросскультурный мониторинг образов инфодемии и пандемии. Карантин: опасный и безопасный. В кн.: Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. М., Фонд «Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара»: 40–48.
- Лункин Р.Н. 2020. Неформальная солидарность на фоне пандемии. Научно-аналитический вестник Института Европы РАН, 4(16): 122–128. DOI 10.15211/vestnikieran42020122128
- Островский Д.И., Иванова Т.И. 2020. Влияние новой коронавирусной инфекции COVID-19 на психическое здоровье человека (Обзор литературы). Омский психиатрический журнал, 2-1S(24): 4–10. DOI 10.24411/2412-8805-2020-10201
- Парфенова О.А., Петухова И.С. 2022. Влияние пандемии COVID-19 на жизнь старшего поколения в городском и сельском контекстах. Социологические исследования, 5: 71–80. DOI 10.31857/S013216250018704-7
- Федосенко Е.В. 2020. Жизнь после карантина: психология смыслов и коронавирус COVID-19. В кн.: Психологические проблемы смысла жизни и акме : Материалы XXV Международного симпозиума, Москва, 15–16 апреля 2020 года. М., Психологический институт РАО: 34–47. DOI 10.24411/9999-042A-2020-00040

- Ярлова Т.В., Сидяков Д.Ю. 2020. Социальные последствия пандемии новой коронавирусной инфекции в контексте качественного развития современного российского общества. *Евразийский союз ученых*. 7-6(76): 56–64.
- Strong P.M. 1990. Epidemic psychology: a model. *Sociology of Health and Illness*. 12: 249–259.
- Zakharova E. 2021. Political Philosophy around Pandemic, or Vice Versa? *Russian Sociological Review*, 20-4: 156–160.

References

- Brega A.A. 2022. Sub`ektivnoe oshhushhenie odinochestva u yunoshej i devushek v period vy`nuzhdennoj samoizolyacii, svyazannoj s pandemiej COVID-19: kross-kul`turnoe issledovanie [Subjective feeling of loneliness in boys and girls during the period of forced self-isolation associated with the COVID-19 pandemic: a cross-cultural study]. *Psixologiya cheloveka v obrazovanii*, 4–1: 101–111. DOI 10.33910/2686-9527-2022-4-1-101-111
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. 2020. Rynok i sobstvennost': social'no-ekonomicheskie uroki pandemii [Market and property: socio-economic lessons of the pandemic]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 8: 145–157. DOI 10.31857/S013216250009711-5.
- Vangorodskaya S.A. 2021. Transformaciya samosohranitel'nogo povedeniya naseleniya v obshchestve riska [Transformation of self-preserving behavior of the population in a risk society]. dis. ... Doctor of Social Sciences : 22.00.04. Belgorod, 431 p.
- Golubeva N.V., Ivanov D.V., Troickij M.S. 2020. Panicheskie rasstrojstva vo vnutrise-mejnyh otnosheniyah kak posledstviya vozdeystviya koronavirusnoj infekcii (obzor literatury) [Panic disorders in intra-family relationships as consequences of exposure to coronavirus infection (literature review)]. *Vestnik novyh medicinskih tekhnologij*, 2: 32–38. DOI 10.24411/2075-4094-2020-16629
- Kazanskij A.B. 2003. Biosfera kak autopoe`ticheskaya sistema: biosferny`j butstrap, biosferny`j иммунитет i chelovecheskoe obshhestvo [The biosphere as an autopoietic system: biosphere bootstrap, biosphere immunity and human society]. *E`kogeosofskij al`manax*, 3: 2-43.
- Kas`yanov V.V., Gafiatulina N.X., Samy`gin S.I. 2020. Osobennosti i problemy` social'nogo povedeniya v usloviyax rezhima samoizolyacii rossijskogo naseleniya [Features and problems of social behavior in the conditions of self-isolation of the Russian population]. *Gumanitarnij Yuga Rossii*, 9(42)-2: 51–63.
- Asmolov A.G., Soldatova G.U., Maleva T.M., Sorokina S.S., Aldoshina T.L. 2020. Kross-kul`turnyj monitoring obrazov infodemii i pandemii. Karantin: opasnyj i bezopasnyj [Cross-cultural monitoring of infodemia and pandemic images. Quarantine: dangerous and safe]. In: *Monitoring ekonomicheskoy situacii v Rossii: tendencii i vy`zovy social'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Monitoring the economic situation in Russia: trends and challenges of socio-economic development]. M., Publ. Fond «Institut ekonomicheskoy po`litiki im. E.T. Gajdara»: 40–48.
- Lunkin R.N. 2020. Neformal'naya solidarnost' na fone pandemii [Informal solidarity amid the pandemic]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN*, 4(16): 122–128. DOI 10.15211/vestnikieran42020122128
- Ostrovskij D.I., Ivanova T.I. 2020. Vliyanie novoj koronavirusnoj infekcii COVID-19 na psicheskoe zdorov`e cheloveka (Obzor literatury`) [The impact of the new COVID-19 coronavirus infection on human mental health (Literature Review)]. *Omskij psixiatricheskij zhurnal*, 2-1S(24): 4–10.
- Parfenova O.A., Petuxova I.S. 2022. Vliyanie pandemii COVID-19 na zhizn` starshego pokoleniya v gorodskom i sel'skom kontekstax [The impact of the COVID-19 pandemic on the lives of the older generation in urban and rural contexts]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 5: 71–80. DOI 10.31857/S013216250018704-7
- Fedosenko E.V. 2020. Zhizn' posle karantina: psihologiya smyslov i koronavirus COVID-19 [Life after quarantine: Psychology of Meanings and coronavirus COVID-19]. In: *Psihologicheskie problemy smysla zhizni i akme : Materialy XXV Mezhdunarodnogo simpoziuma*, M., 15–16 aprelya 2020 [Psychological problems of the Meaning of Life and acme : Proceedings of the XXV International Symposium, Moscow, April 15–16, 2020]. M., Publ. Psiholo-gicheskij institut RAO: 34–47. DOI 10.24411/9999-042A-2020-00040

Yarovova T.V., Sidiyakov D.Yu. 2020. Social'ny'e posledstviya pandemii novoj koronavirusnoj infekcii v kontekste kachestvennogo razvitiya sovremennogo rossijskogo obshhestva [Social consequences of the pandemic of the new coronavirus infection in the context of the qualitative development of modern Russian society]. *Evrazijskij soyuz ucheny'x*, 7-6(76): 56–64.

Strong P.M. 1990. Epidemic psychology: a model. *Sociology of Health and Illness*, 12: 249–259.

Zakharova E. 2021. Political Philosophy around Pandemic, or Vice Versa? *Russian Sociological Review*, 20-4: 156–160.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 02.06.2022

Поступила после рецензирования 20.08.2022

Принята к публикации 25.05.2022

Received June 2, 2022

Revised August 20, 2022

Accepted September 25, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Реутов Евгений Викторович, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Yevgeny V. Reutov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

Вангородская Светлана Анатольевна, доктор социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Svetlana A. Vangorodskaya, Doctor of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

Гайдукова Галина Николаевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Galina N. Gaidukova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.